

В статье «Большая война» (НП №2/1996) я пытался довести до внимания читателя, что в со-временном мире существует абсолютный (онтологический) враг всего челове-ства. Он является врагом всех людей без различия расы, национальности или веры. В то же время все люди Земли являются в той или иной степени родственниками, то есть происходящими из одного ис-точника жизни, все мы — дети Рода.

Наличие врага ни для кого не сек-рет. Явным и очевидным для всех свиде-тельством его смертоносной деятельно-сти является необъяснимая с иных пози-ций война западной цивилизации против традиционных укладов. Сегодня мы мо-жем сказать открыто, что наиболее могу-чим укладом традиционного общества, наиболее полным и оформившимся об-разцом самоценного бытия является Рус-ская держава.

Ни один другой народ так менее все-го не нуждается в помощи или культур-ном влиянии из-вне. Ни один другой на-род не дал своим соседям столько, сколь-ко дал (или: дал взять) русский народ. Ни один другой народ не может столько сил и времени посвятить вопросам все-общего выживания. Ни один не оказал-ся способен в трудные переломные мо-менты своей истории подумать об общем деле, о других, прорваться сильным и сво-бодным духом сквозь толщу сваливших-ся бед и заботливо искать спасения для всех народов, а не только для себя.

Трусливо вопит о глобальных про-блемах ООН, панически боятся снижения потребления и тем более «коренной лом-ки» своего образа жизни американцы. Не заблуждайтесь, их не волнует озоно-вая дыра над Антарктидой, их страшит, что она может переместиться к США. И их нисколько не волнует, что подобная дыра давно уже маячит где-то над рус-ским севером, скорее, наоборот, радуется. Как думаешь ты, дорогой читатель, будет ли волноваться Америка, если в Европе случится беда? А если в Индии? Волну-ют ли Америку или ту же Европу беды, которые они нам устроили на нашей зем-ле? Наивные вопросы. Практика показа-ла, что западная цивилизация научилась хорошо греть руки на чужой беде и, как следствие, устраивать эти самые беды.

Стремление сохранить свою самобыт-ность ни у одного народа не обрели столь законченной формы, как у нас, русских. Только мы смогли построить свою дер-жаву

сами, не привлекая чужих мозгов и не опираясь на рабский труд других на-родов. Может быть, именно то, что мы все сделали себе сами и позволило нам не только сохраниться, но и подать при-мер выживаемости для всех прочих на-родов. Не случайно, что малые народы вокруг Руси всегда стремились в наш дом, к нам в семью, что бы там ни говорили проститутки и лжецы из ЦРУ, Моссада, Украины или Останкино.

Многokrатно просились под руку русского царя рассеянные картвелы. «А зачем она нам, эта маленькая долина меж гор с редким, хоть и единославным насе-лением? Разве что из добросердечия принять, защитить православных христи-ан от уничтожения, пожертвовать наши-ми русскими людьми дабы прославить Русь и славного царя?» Так и поступили. После очередной просьбы-челобитной (их тогда уже накопилось больше десятка) принята была Грузия на Русь. Веселился народ картвельский: обречённые на унич-тожение соседями они обрели, наконец, спасительную безопасность. Если бы гру-зинский национализм существовал трис-та лет тому назад, то он мог бы спокой-но самоупраздниться: предельная цель достигнута, народ защищён, причастен ве-ликой державе, не испытывая при этом никакого национального, культурного, эконо-мического или религиозного гнёта, ос-таваясь самостоятельным в своём сохра-нении.

Где вы видели подобное? У немцев? Англичан? Французов? Может быть, Аме-рика подала подобный пример? Нет! Можно ли было грузинам мечтать о большем?

Оказывается, можно. Вспомним Сказ-ку о Рыбаке и Рыбке. В нашей сказке всё, в конце концов, стало по-прежнему, и потому мало обращают внимания на то, что старик, обеспечивая своей старухе всё, что она требовала, сам же на протяже-нии всех событий оставался всё тем же нищим русским стариком. Нам ничуть не жаль резко обедневших грузин. Нас даже не волнует, что своим былым благополу-чием Грузия в большой мере (в большей мере) обязана центральному московско-му правительству, которое, как и сотни лет до этого, заботилось об окраинах и малородцах более, чем о защитнике и кор-мильце многочисленной державной че-ляди. Подобно Рыбаку мы входим в вет-хую хижину и укоризненно киваем голо-вой: дура ты, дура, старуха, заставила меня побегать-помучиться, а дурой была, дурой и осталась. Нет ума — считай калека!

Мы же — самодостаточны. Ничего нам не надо от Золотой Рыбки, ни от ста-рухи. «Плыви, Рыбка, с миром.» Пятнад-цать сестёр, пятнадцать братских респуб-лик оформили себя вокруг и внутри Руси, ранее почти погибшие, соседние и род-ственные племена, урывают себе куски по-лучше от тела убитой якобы Руси, прива-тизируют нашу русскую собственность.

Мы знали, что это так и произойдёт, но не могли предпринять упреждающие меры к неблагодарным: мера их преступления не была определена. Мы не предприняли упреждающего удара, чтобы впоследствии нанести удар уничтожающий. Мы, великий русский народ, съими-тировали слабость, обратились за помощью — и они вдруг набросились на нас со всех сторон. Наши соседи, «братские» народы, как-то быстро обрели себе новых хозяев в лице мирового безличия, бездушного интернационализма США, Европы и еврейства. И вот они под началом нового хозяина с яростью кидаются на русский народ, рвут от нас куски, взрывают наши радиолокационные станции, требуют плату за пользование нашим Байконуром, построенным нами на нашей земле.

Мы были слишком щедрыми хозяевами, когда позволили им называть наши города, степи, урочища и долины нерусскими именами, когда с лёгкостью вселили их в наши дома и громогласно объявили, что они здесь такие же хозяева, как и мы... Это было слишком великодушно.

Чёрная неблагодарность — естественное следствие превышения меры щедрости по отношению к малым мира сего.

Они не виноваты в своей слабости. Мы не виноваты в нашей щедрости. Во всём виноват он. Враг.

Зачем мы сделали это? Зачем мы позволили нашим братьям уйти, отделиться от родового древа в те незапамятные времена, попасть в трудности, чтобы потом проситься обратно? Зачем мы приняли их тогда, облагодетельствовали, защитили, дали возможность спокойно жить и работать? Разве мы не знали, что они ушли потому, что были слабы? Разве мы не видели, что они вернуться хуже, чем были, что с собой они принесут вирус, а зачас-тую и ген нашего врага? Разве не могли мы уничтожить любого, кто малодушно пошёл на сделку со своим же врагом против нас? Разве не следовало нам упредить проникновение врага в души наших соседей и братьев и через них — в тело священного человечества? Мы обязаны были это сделать. Жизнь на Земле должна быть спасена, даже если для этого нам придётся отказаться от части этой жизни.

Мы отпустили их для того, чтобы там, под светом чёрного солнца они сами себе составили приговор. Теперь они вернулись с желанием пожить за счёт священной

Руси. Они желают убить нас. Это приговор, которого мы ждали. Он слиш-ком суров, но они его выбрали сами. Мы обязаны привести его в исполне-ние. Они сами определили меру. И до сих пор не поняли, что всё это время мы спокойно и сочувственно следили за их действиями.

СЛАБАКИ

Зачем мы создали нашу великую страну? Мы создали великую страну для того, чтобы все Народы увидели, что мы — русы — державный народ, способный произвес-ти всю полноту человеческих проявле-ний: личность, община, империя. Мы не только сумели собрать эти огромные про-странства под русской властью, но и обо-ронили их от всех напастей, обеспечили сохранность границ в течении тысячеле-тий. При этом мы обошлись без колоний, этих свидетельств личной немощи. Ни одна другая страна мира, ни один другой род на Земле не смог сделать этого.

Русь одна смогла и доказала своё право на власть. Мы были не единствен-ными в этом соревновании. Того же же-лали и другие государственные образо-вания отколовшихся родов.

Германия. Собрав силы, поставив на колени всю Европу, видя дрожь в колен-ках дяди Сэма, она, Германия, почему-то ринулась на Русь. Эх, немчура неотёсан-ная! Кабы вы раздолбили бы сначала проститутку Англию и сучку Америку, то, может быть, и справились бы с нами. Но тогда это были бы другие немцы, те, ко-торых стоило бы уважать. А вы, не успев сотворить свою империю, стоя на пороге своей подлинной государственности, но не перешагнув его, пошли на Русь, на Дер-жаву, на империю. Кто-то сказал вам: «На Русь!» и вы попёрли. Это был приговор. Не мы его вынесли — они. Не мы его привели к исполнению — вы сами при-шли. И это вы заставили нас привести его в исполнение. И мы его исполнили. Но не до конца: всё же дурака надо учить. Убить — самое лёгкое, учить — не всякому под силу. Но мы — великий на-род и не убили вас, как вам планировали поступить с нами. Мы вас проучили. В том наше великодушие. Итак, Германия — враг Руси. Есть и среди немчуры хо-рошие люди, достойные славного имени, но их мало и они ещё не знают о вели-кой чести носить имя Руса. Надо будет — попросят. А пока — тьфу на них.

Франция. До немцев пробовали со-здать империю французы. О, это была зрелищная картина: собрав остатки бы-лой чести, Наполеоновская Франция по-корила всю Европу. Одна курица устро-ила взбучку всем остальным.

— Марусь, чой-то куры разкудахта-лись? Что за шум? — Да это, Ваня, их куриные дела, пустое.

Внезапно распаивается дверь и на пороге показывается куриное воинство во главе с маленьким и от того ещё бо-лее воинственным петушком. Они что-то лепетали на своём курячем языке, а наи-более окуряченные из наших с интере-сом прислушивались, зря что ли учились с детства щебетать по-ихнему.

— Гляди, Марусь, заявились. Что за депутация? Ультиматум? Дожили, здрас-те вам. Марусь, это по твоей части.

Маруся пришла с метлой и очистила помещение. Нет, хрюнков можно было бы и оставить, но подобно своим роди-чам из немцев они имеют обыкновение срать там, где живут, а нам, русским, жаль было видеть Кремль загаженным хоть и цветастым, но всё же петушком. Короче, пошёл вон, дурак!

Франция до сих пор любит смерт-ным любом своего императора без им-перии, но до сих пор не очухалась после взбучки 1812-1815 годов. Не ходи, кури-ца, на Русь, целее будешь... Впрочем, куль-турное воздействие Руси оказалось небезполезным: в подоле французская дев-ка принесла добрую русскую традицию мыться по меньшей мере один раз в не-делю. А до того — поверите ли? — толь-ко подтиралась.

Кто там на очереди?

Англия. Это чопорная старуха ког-да-то лихо плавала по морям, мутузила всех, кого хотела и разумно не связыва-лась с русскими. Убогий островок на краю бывшей

славянской Венетии и да-ром был нам не нужен, а сегодня и тем более. Зато сколь наглядна разница в имперстве Руси и Британии! Что была бы Англичания без русской области Росс (ныне известна как Скотландия)? Что была бы старая дура, кабы не удалось им завоевать в своё время Ближний восток и потом дальний? Но вот захвачена Ин-дия и королевство довольно, оно почув-ствовало, наконец, что перестало болтать-ся на своём островке, как ... в проруби, среди себе подобных Швеции. Так вот, эта как-бы-империя, конечно, никогда не существовала, но громче всех заявляла о своём могуществе. Могущество её дей-ствительно было велико: когда русский царь Павел послал казачий корпус на по-корение Индии, его тут же придушили дво-ровые лакеи-масоны. По подсказке, ес-тественно. У них были свои планы на Индию: пограбить. А жаль, что у нас на-шлось достаточно высокопоставленных говнюков. Индия могла бы стать един-ственной, пожалуй, страной, просоедине-ние которой к русской империи дало бы положительные результаты для русско-го народа, для Руси, священной державы человечества.

ПРИБРЕТЕНИЯ С УБЫТКОМ

Все прочие приобретения наши, сделанные для того, чтобы показать всем народам подлин-ные ценности общежития, все прочие были не приумножением нашего достояния, но вычитанием из него. Мы не присоеди-нили к себе Индию, и потому все наши при-обретения — одни убытки. Не потому, что нам нечего было брать. А потому, что нам ничего от них не нужно, у нас есть всё, что нам нужно, не выходя за пределы даже и политической Руси, не говоря уже об исторической.

Мы присоединили к себе Польшу. После сотен лет, в течении которых по-ляки сначала отказались от древнего имени русича (потомка Руса), а потом целовали ручку католическому евро-папе и под его мудрым руководством плевали на Восток, вырезали непокорных пруссов (те ещё помнили родство с Русом) и от-дали их земли хитрым немцам, после по-дачи чудовищных образцов ненависти выроodka к бывшему своему роду при зах-вате Малороссии, после предательств и смут, мы присоединили их к себе. Слиш-ком великодушно? Но что поделать, столь велика душа Руса, незлопамятна, щедра. Мы предоставили полякам все граждан-ские права наравне с коренными русака-ми и даже больше — всё же нерусь, жаль бедняжку. И что же дала варшавская губерния Российской империи? Одни убытки, ненависть в спину, антирусскую пропаганду, усилия по отделению русских хохлов от русских мужиков. Опять эти несчастные начали с сомнением спраши-вать себя «А не великая ли нация — по-ляки? А не больше ли мы Руси?». Комп-лекс неполноценности, свойственный всем мелким народам, услужливо подсказывал, что да, «великие», да, «больше», и оправ-дывал подлость. Лёгким оправданием польского участия в русской истории остаётся разве что «железный Феликс» (в переводе с латыни — счастливчик). Ну, может быть, вспомним,

как в России учил-ся выходец из Польши Сикорский, изобретатель вертолёт. Кем бы он стал без России? Наверно, обычным заносчивым поляком, продорожным столбом меж За-падом и Русью или столбовым шлюхтичем, как многие поляки, «сват королю и кум министру». Лютая русофобия шлюхтичей куда опасней тупых немецких по-ползновений. Но, слава Богу, избавились, выделили их из большого тела Руси: жри-те своё евро-пейсичество, только к нам не суйтесь.

Пожалуй, самое прискорбное приоб-ретение Руси, самое долготерпимое и болезненное — Малороссия. Богатые эти земли, созданные потом и кровью русичей на протяжении тысячелетий, мало кому были нужны в XVI-XVII веке. Почему? Потому что её населяли не те люди. Сотни лет, проведённые без державной дисциплины, без порядка, сделали невоз-можным присоединение Малоросии без ущерба для русской государственности. Неправда, что мы спорили с турками и поляками за право владеть Южной Ру-сью. Никто с ними не мог сладить, с ка-зачками нашими, удалыми сечевичками запорожскими. Просто мы преуспели в их воспитании больше других и через большие разочарования, через боль и презрение научили безпутных казаков Юга жить в Державе, гордиться нашей Империей. Казачество существовало и на Руси, исконно и всегда. Пусть не заб-луждаются историки и читатели, основ-ная часть русского казачества жила и продолжает жить на севере, особенно на верхней Волге. Но это были не вольные казаки-разбойники, а казаки-державники, дисциплинированные воины русской им-перии, наше регулярное воинство всех времён и народов. Днепровские казаки были когда-то хороши. Но перестали быть таковыми. Отпадение от Руси — смерть для родовой чести.

Что же мы получили после решения Переяславской рады? Певучий говор Малоросии неизменно вызывал умиле-ние Питера и Москвы. А ныне на древ-ней земле русской Галиции процветает за русский счёт и под польско-еврейс-ким руководством лютая русофобия, гра-ничашая с самоистреблением: говорите как угодно, лучше по-польски, но только не по-русски. Подобно самым жалким кавказским «рэспубликам» советская Ук-раина потребляла больше, чем произво-дила. Позор! В составе СССР по показа-телю производство-потребление все «се-стрёнки» были разделены надвое: по ею сторону — Русь, по другую — все осталь-ные. Понятно, почему русской кровью, красной и белой, питались Кавказ, среди-азиаты и прибалты.

Но как в этой компании оказалась Украина? Как вообще можно было умуд-риться при своих запасах недр, при боль-шинстве квалифицированного и трудо-любивого русского населения, при таком значительном населении, развитой сети дорог и так далее и тому подобное, как можно было очутиться в числе недеес-пособных, в числе кавказцев и азиатов, прибалдов и прочих неспособных к со-зидательному труду племён? Учитывая, что собственно «украинцев», то есть смеси поляков, евреев и русских на той Украине

совсем немного, надо полагать, что крали хуже, чем в Средней Азии, и в целом получалось, что потребляли больше, чем производили. Оказывается, отпадение в своё время от Руси было вызвано не только внешними, но и внутренними причинами: люди переродились, выродились, перестали быть Русами. В обмен на русскую волю и приобщение великодержавному русскому делу мы получили сальную ненависть чубатых лбов, собачью тоску по польскому пану. Земли южной Руси захвачены рабами наших врагов, под воздействием не самых суровых обстоятельств они отказались от священного имени Руса и потому — наше им презрение!

Стоит ли после Малороссии говорить о «приобретениях» Руси в Азии? Во-первых, это всё исконные, древнейшие русские земли. Во-вторых, мы не настаивали на нашем приоритете, мы позволили им называть эти земли своими. Но и этого мало, мы ещё кормили их, обучили, дали возможность разговаривать со всем миром на чудесном русском языке — и мир слушал их, он не мог не прислушиваться к русской речи. Почему они сегодня продолжают пользоваться нашим божественным языком? Может быть, они думают, что наши сердца смягчатся, когда они, всё продав, всё прожрав, всё просрав, на хорошем русском языке попросят обратного в братские объятия? Забудьте наш язык, у вас есть свой? Он — ваш! Забирайте! Берите свои юрты, своих баранов, жён и детишек, прихватите свидетельства о продаже нашей промышленности (нам это тоже не пригодится) — и мотайте на свою родину, в горы Тянь-Шаня, в гобийские пустыни и полупустыни. Степи — наши! Пошли вон, вы оказались недостойны оказанной чести! Мы слишком много для вас сделали, слишком много позволили. В порыве благородства мы забыли о том, что чернь за щедрость обычно платит завистью и ненавистью.